

Юлия Жаркова

Опасные цветы

«...И списываться тайно и украдкой,
При жизни быть не книгой, а тетрадкой...»
М. Кириенко-Волошин

Я еще была очень далеко, когда гремели эти прорывы в плотных соединительных тканях официального искусства. А в детстве моем было достаточно квартирников, о которых нельзя не вспоминать.

Понятны предпосылки, понятно, приблизительно когда все началось – запрещенные подпольные экспозиции и концерты на дому. Все, что делалось не благодаря, а вопреки; гудело, булькало и пело, не давая покоя, – и приобрело форму долгоиграющего проекта.

Может, в начале это был просто небрежный жест Никиты Алексеева, «с бокалом Шато О-Брион в руке». Однажды в виде шутки – мол, да будет art-art. Как следствие всемирно известной Бульдозерной выставки и других проб экспонироваться у неформалов.

Начнем с самого начала...

Белые стены, цветные нитки

Мои родители разошлись, когда мне было шесть. Отец переехал из квартиры, которая была получена от политехнического института, где он преподавал, в коммуналку моей бабушки. Забрал огромный стеллаж с книгами. Письменный стол, печатную машинку, опять же книги. Все это он забрал не от жадности,

а потому что книги и все остальное необходимы были ему для работы. Интерьер нашей малогабаритной трешки существенно изменился, и мама решила вместо блекло-лиловых обоев с еле заметной позолотой в гостиной покрасить стены белой краской, точнее – вообще известкой... Соорудить рамы для гобеленов и заниматься гобеленами и акварелями. В свободное от преподавания на архитектурном время.

Она заручилась поддержкой художника Жени Рахманина и его жены Тани. Якобы они готовы были помочь ободрать обои и побелить все известкой вместе с мамой.

Так. Об этом не надо писать, не, не надо, нехорошо, надо стереть, право слово. Или что, да? Ну хорошо. То есть не годится. И все же. Нет. Напишу все, как помню.

Обернулось это малярное новаторство невероятнейшим по своему размаху алкотрэшем вышеозначенных, исчезновением с радаров на пару месяцев, если не на полгода, ободранными стенами, страшными и холодными (наша девятиэтажка, харьковка, построена из армированного бетона). Обдирала мама (ногтями), я, брат и кто-то вечно ночующий «одну только ночь», переходящую в недели и года. Если честно, трудно сегодня упомянуть имя героя (или героини), сражавшейся (сражавшегося) за идеальную гладкость бетонных плит.

Ближе к победе над непокорными кусочками прилипших обоев появляются Рахманы, изрядно помятые, но непобежденные, и приносят с Привоза ведро известки.

Примерно одного дня хватило, чтобы покрасить в белоснежный нашу светлую проходную комнату с двумя окнами и балконом. Еще неделя ушла на оборудование стен для развески работ.

В конце концов на Солнечной открылось новое, яркое и очищенное от вещей и грязи пространство. В центре комнаты стоял венский черный рояль 1824 года, в корзинах были шерстяные нитки, которым мама сама придавала нужные цвета, стояла огромная рама для ткачества, был еще самодельный диванчик и журнальный столик для чаепитий.

Мистер Универсальность

Одним из первенцев была выставка Андрея Маринюка, сына Люды Ястреб, нон-конформистки, и Виктора Маринюка, больше известного как монументалист.

Оба художника работали в родственных цветовых гаммах, Люда делала работы в разных направлениях, пробовала орфизм. После ее трагической смерти, когда Андрею было всего шестнадцать, он поселился у нас и жил где-то год – таково было желание нашей с Сережей мамы, которая очень сочувствовала этой семье и хотела, чтобы Андрей сменил обстановку.

Он учился в музыкальной школе, играл на виолончели, сочинял музыку, играл на пианино. При этом создавал цветовые композиции в духе родителей, но что-то свое, позже серьезно увлекся дизайном и даже пробовал себя как скульптор, притом эти скульптуры он делал из витражей – это были витражные скульптуры.

Андрей делал портреты-оммажи к маминым работам, неосупрематические композиции, объемные коллажи, каллиграфические рисунки, и все это было развешено в нашей комнате с белоснежными стенами.

Открытие выставки было фееричным. Автор работ играл на рояле, к нему присоединялись приглашенные друзья-музыканты, превращая сольное выступление в очень органичный джем. Никто и не догадывался, насколько стихийно все тогда получилось и насколько импровизированной была музыка, потому что все прозвучало убедительно. Светомузыка, которую сделал Андрей при помощи прожекторов с самодельными витражами из разноцветного прозрачного пластика, была вплетена ритмично и даже почти что незаметно...

Ройтбурд соло

Спустя некоторое время мама узнала, что Сашу Ройтбурда не приняли в Союз художников, и очень обрадовалась за него. На тот момент все, кто не были приняты в Союз, считались априори самыми многообещающими, а Ройтбурда мама считала талантом, потому предложила ему сделать свою персоналку у нас. Как о себе говорил автор, художник Ройтбурд всегда писал много и разнообразно, потому выставка складывалась из нескольких его периодов в творчестве. Там были и полуабстрактные работы, и пастозная живопись «библейского периода», и постмодернистские ироничные вещи, которые были наиболее передовыми и яркими для того времени.

Сохранились фотографии с открытия этой выставки, на которых компания из нескольких человек, в числе которых был Владимир Сорокин, мирно пила чай из красивых пиал и поглощала торт.

Весеннее счастье

Были и однодневки. Или акции вроде выставки одной картины. Или выставки-перформансы.

Например, однажды утром Сережа Ануфриев и Андрей Маринюк принесли свежесорванные ветки цветущих слив, вишен, груш и черешен и расставили их во всевозможные вазы на полу, предварительно устланном циновками. Сережа поставил громкую музыку, заварил чай в большом фарфоровом китайском чайнике, разлил его в пиалы, положил на старинное блюдо сладости, и мама, которая вставала поздно, вышла из дальней комнаты, чтобы спросить, а не слишком ли рано ребятки затеяли недоброе, но, увидев эту чудесную картину, не нашла слов, уплыла обратно, достав какое-то благовоние под стать происходящему, и присоединилась к этому весеннему таинству. Особенно ее поразило, что Сережа прохрюкал утреннее приветствие на китайском, что-то из подслушанного в императорском дворе времен Троецарствия.

Вещи с улицы

Это будет небольшое примечание к квартирникам в принципе и к нашей квартире в частности. Мода на старые вещи в домах, например, художников. Мода или просто так сложилось?..

Много старинных предметов – мебели, книг – находили на свалках и приносили домой. Чистили, мыли и превращали в элементы интерьера. Так у нас образовался на кухне старинный кованый сундук. Узор на нем называется «мороз по жести» – утраченная технология, как объясняла мама. Его несли десять человек.

Рояль 1824 года, кабинетный, венский, Wendl, достался нам от семьи диссидентов по фамилии Мак, которые покидали Одессу. Мама дала слово плачущей дочери Лени Мака, поэта и писателя, что ее любимый рояль заберет к нам. Его тащили пятнадцать человек по лестнице на седьмой этаж.

Старое зеркало, шкаф в стиле модерн, секретер... Это какие-то осколки каких-то разгромленных жизней, в том числе и нашей семьи, – какие-то предметы мебели были спасены из дома прабабушки, а она была погорельцем и чудом сама спаслась во время пожара.

Где ковры, где хрусталь?

Зная, что снова к нам нагрянут с обысками (странно говорить такое, но да, мое детство было связано с обысками, когда милиция приходила и искала антисоветскую литературу), Сережа сотворил свиток из куска обоев. На нем с обратной стороны было

написано иероглифообразными буквами: «Где ковры?! Где хрусталь?!! Черт знает что, а не квартира!!!».

Свиток одиноко висел на белой стене, прикрывая огромный кусок выпавшей штукатурки.

Родня

Юра Лейдерман, который окончил химико-технологический факультет нашего университета, а потом сломался и стал концептуалистом, вместе с Леней Войцеховым, с Олегом и Милой Перцами просто собрали фотографии своих пап, мам, дедушек и бабушек, прикрепили их к шпалерам обоев и развесили на стенах, объяснив, что это просто фото родственников, которые, попадая в арт-пространство, стали предметами рефлексии. Приватное стало публичным.

Кажется, там были и наши семейные фото. Отдельным блоком. Все, кто приходил, были вынуждены выслушивать вязкие рассказы о первой высадке на горшок, о рождениях и смертях, о разводах и о путешествиях в Гагры, о чьей-то свадьбе с тортом из масляного крема, о болезнях, роддомах, о первом поцелуе, о четвертом замужестве и о дедушках с подагрой. Суть в том, что никто не мог спастись от этих излияний.

Художники, литераторы, артисты, музыканты

Фонтаном, ключом была жизнь в нашем доме, и количество людей было велико. Нельзя не упомянуть и студентов архитектурного, молодых преподавателей оттуда же, которые, наверное, до сих пор все помнят. В какой-то момент благодаря КГБ и обыскам это удалось прекратить тогдашним властям. Как рассказывала мама, в свою очередь, «из подслушанного», кто-то из чиновников обозначил мамины ограничения не только наложением запретов на квартирники, но и полной блокадой ее перемещений куда-либо. «Чтоб дальше Привоза она никогда не выезжала».

Здесь я не могу не добавить, что, когда началась Перестройка, мама смогла поехать в Париж, в Италию, в Германию, в Штаты,

наконец. У нее был отчаянный порыв восполнить ощущение безысходности и тюрьмы, которое угнетало, прежде всего, психологически все эти годы.

Мой отец и отец моего старшего брата, Ануфриев, уехали в США. Это и было отдельным поводом для вызовов ее на допросы, обвинений в распространении антисоветской литературы. У нас при обысках в качестве вещдока был найден тогдашний «левый» журнал «А-Я».

Маму вызвали на «товарищеский суд» а строительном институте (нынешняя академия строительства и архитектуры), где она преподавала рисунок и живопись.

Как ни дивно, но за маму тогда заступился декан архитектурного факультета Сергей Васильевич Непомнящий. Примечательно: убежденный закоренелый коммунист, член Коммунистической партии – в его кабинете, где было полно выращенных им экзотических комнатных цветов, стоял портретик Ленина. Он преподавал потом и у меня, когда я училась на архитектора, строительную физику. Во время этого собрания-травли он встал и сказал: «Как вам всем не стыдно! Она мать двоих детей и прекрасный специалист!». И так мама осталась преподавать дальше...

Студенты любили маму. Она садилась возле каждого и помогала подправить композицию, рисунок, выравнивала тон.

Она порой приходила и рассказывала нам о том или ином новом таланте среди ребят, с которыми занималась практически индивидуально.

Тем,
Кто легок на помине
И тяжелый на подъем,
Кто хранит в хорошей мине
Запрещенный стол и дом,
Кто на свежем минном поле
Рвет опасные цветы,
Кто учился в нашей школе
Нелегальной красоты.

Юрий Годованец,
поэт, участник квартирников «на Солнечной»